

Погуляйте у киргизов
На степном раздолье,
Хоть они бедуют лихо,
Так зато на воле.

Заброшенный в Ново-Петровское укрепление на Мангышлаке, Шевченко написал много повестей, в которых упоминал о Казахстане, описывая его быт и обряды и мечтая о том, чтобы в глухой степи возникли культурные города. Поэт и одновременно художник-демократ, Шевченко создавал свои картины, сочувственно рисуя образы и быт казахов-кочевников. В таких картинах, как «Казахская семья», «Казах на лошади», «Баксы», «Байгуши», «Мальчик топит печь» и других Шевченко с большим сочувствием к угнетенному народу увековечил колониальный Казахстан.

§ 46. Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов.

Достоевский и петрашевцы в Казахстане. Поэзия «зар заман» отличалась настроениями скорби по поводу угнетения, нищеты и страданий казахского народа в результате колонизации и утраты казахами независимости. Поэты этого направления мечтали о возрождении боевых традиций казахского народа и в то же время о возврате к прошлому, к патриархально-родовому строю. Они выступали против европеизации и против русской культуры. Однако новые условия жизни создавали предпосылки для нового мировоззрения. В казахском обществе вырастали люди, понимавшие, что возврата к прошлому нет, и искавшие новых путей.

К середине XIX века в Казахстане начало сказываться культурное влияние русского народа. С ростом революционного движения в России увеличивалось количество ссыльнопоселенцев в Сибири и Казахстане. В западной части казахской степи культурным центром стал Оренбург, где большим влия-

нием пользовались Шевченко и его единомышленники. Для севера Казахстана таким центром стал Омск. Немало русских ссыльных было и в Семипалатинске. Большое идейное влияние оказывали на Казахстан ссыльные петрашевцы – сам Буташевич-Петрашевский, Дуров и знаменитый русский писатель Достоевский, певец униженных и оскорбленных.

Достоевский прибыл в ссылку в 1850 году, на три года позже Шевченко, а выехал из ссылки на два года позже украинского поэта – в 1859 году. Он отбыл четыре года каторги в омском остроге, а с 1854 по 1859 год служил солдатом в дисциплинарном батальоне в Семипалатинске. Здесь он стал набрасывать свои «Записки из Мертвого дома», в которых с большой симпатией писал об окружающих казахах-кочевниках. В своих письмах Достоевский не раз писал о своем интересе к местному краю, обычаям, фольклору. Сам заживо погребенный, великий русский писатель выражал горячее сочувствие угнетенному царизмом народу. Символом дружбы русской демократии с казахским народом была дружба Достоевского с первым казахским интеллигентом-просветителем Чоканом Валихановым. Не только личное чувство, но идейные связи скрепляли эту дружбу. После окончания ссылки Достоевский познакомил Валиханова со своими петербургскими друзьями – поэтами Майковым, Григорьевым и другими, расширив и закрепив идейные связи русской и казахской демократической интеллигенции.

Идейное развитие Валиханова. Молодой ученый, исследователь и путешественник, Чокан Валиханов может по праву считаться казахским просветителем.

Чокан Валиханов был сыном султана Чингиса Валиева, потомком знаменитого хана Аблая. Родился он в 1835 году¹ в местности Сырымбет Кокчетавского округа, у подножья высокой горы, снизу доверху заросшей густым непроходимым

¹ По другим данным – в 1834 году (П. П. Семенов) или, наоборот, позже – в 1837 году (Г. Н. Потанин).

сосновым бором. Отец и знатные родичи Чокана получили русское воспитание, имели офицерские чины и пользовались доверием и уважением царской администрации. Они захотели поэтому и сыну дать военное образование и подготовить его к карьере русского офицера. Когда мальчика привезли в Омск (в 1847 году), чтобы определить его в кадетский корпус, он не знал еще ни одного слова по-русски. Однако даровитый, любознательный и энергичный Чокан скоро преодолел трудности учебы и выдвинулся в первые ряды среди учащихся. Он много читал, серьезно учился. Большое влияние на Чокана в корпусе оказали его учителя – энциклопедист-естественник Гутковский и историк Гонсевский, который довольно смело пытался объяснить учащимся социальные причины исторических событий и сочувственно отзывался о деятелях Французской революции.

В Омске, в доме Капустиных Чокан познакомился с представителями прогрессивной русской интеллигенции (с ссыльным Дуровым, товарищем Ф. М. Достоевского по «Мертвому дому», и другими).

На каникулы Чокан обычно уезжал к родным, в степь – в Сырымбет или Кушмурун. Там он с увлечением слушал акынов-импровизаторов, записывал народные песни, пословицы. Его живо интересовали сложные проблемы происхождения народов Азии, особенно казахского и киргизского. Чокан рано заинтересовался восточной филологией и изучал арабский язык, а из европейских – английский. В юности еще он мечтал стать ученым, чтобы отдать свои знания и силы казахскому народу. Знакомясь по английским сочинениям с приключениями известных английских путешественников, юный Чокан стал мечтать об опасных и трудных путешествиях. Его манил «загадочный Китай, который начинался где-то за снежными хребтами Ала-Тау». Еще до окончания корпуса Чокан, по сравнению со сверстниками, был вполне образованным человеком, с острым критическим умом, способным к смелым, широким обобщениям.

В 1853 году Валиханов досрочно окончил корпус. Произведенный в корнеты, он вступил на службу в Сибирское линейное казачье войско. На его исключительные способности обратил внимание генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, который уже в следующем году сделал его своим адъютантом. Он ценил в Чокане отличное знание им Востока и неоднократно командировал его в пограничные с Китаем места (Южный Алтай, Заилийский край, район озера Иссык-Куль). Эти поездки (по-видимому, имевшие политические цели) Валиханов широко использовал для удовлетворения своей исключительной научной любознательности.

Ч. Ч. Валиханов

Весной 1856 года Валиханов принял участие в иссык-кульской экспедиции полковника Хоментовского (в районе, обитаемом киргизским племенем бугу, которое приняло русское подданство). Здесь он изучал нравы, обычаи и песенное творчество этого родственного каза-

хам народа, собрал богатую коллекцию предметов домашнего обихода и записал отрывки героической поэмы «Манас» (киргизский эпос) со слов народного певца. Большой интерес представляет его «Записка о дикокаменных киргизах». В том же году осенью Валиханов провел три месяца в китайском городе Кульдже. Впечатления от этой поездки отражены в его неопубликованном «Дневнике» – ярком, насыщенном красками и образами художественном очерке. В нем вполне отразились демократические симпатии Валиханова, который возмущался «поборами и злоупотреблениями, превосходящими границы».

хам народа, собрал богатую коллекцию предметов домашнего обихода и записал отрывки героической поэмы «Манас» (киргизский эпос) со слов народного певца. Большой интерес представляет его «Записка о дикокаменных киргизах». В том же году осенью Валиханов провел три месяца в китайском городе Кульдже. Впечатления от этой поездки отражены в его неопубликованном «Дневнике» – ярком, насыщенном красками и образами художественном очерке. В нем вполне отразились демократические симпатии Валиханова, который возмущался «поборами и злоупотреблениями, превосходящими границы».

Решающую роль в жизни Валиханова сыграло знакомство с двумя выдающимися русскими людьми – Достоевским и Семеновым. С Федором Михайловичем Достоевским Чокан познакомился, по одним данным, в Омске, по другим – в Семипалатинске летом 1855 года, где великий писатель отбывал последние годы ссылки в качестве «нижнего чина» – рядового.

Нервный, больной и удрученный личными переживаниями, Достоевский с первого взгляда был очарован талантливым самородком-казахом. Глубокий и проницательный ум русского писателя сразу оценил роль и значение молодого казахского ученого для просвещения казахского народа. Достоевский настойчиво советовал Чокану неустанно углублять свои познания в этнографии Казахстана, чтобы ознакомить всю Россию с этим богатым краем и его способным народом. «Напишите статью о степи. Ее напечатают, – писал Достоевский в одном из писем к Чокану. – Всего лучше если бы Вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех... Лет через семь-восемь Вы могли бы так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине». «Не великая ли цель, – писал он далее, – не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение, и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских. вспомните, что Вы – первый киргиз, образованный по-европейски вполне».

Известный географ, академик П. П. Семенов-Тяньшанский также очень заинтересовался даровитым Валихановым и горячо убеждал его ехать в Петербург учиться. Воодушевленный советами Семенова, Валиханов начал было уже готовиться к переезду в столицу, но вдруг получил приказание высшего военного начальства готовиться к продолжительному и опасному путешествию в Кашгар и Восточный Туркестан.

Он провел в Кашгаре и других местах «края шести городов» более пяти месяцев, в течение которых основательно изучил быт и нравы кашгарцев, положение и настроения населения, историю, географию и этнографию края. Свои сведения Валиханов собирал у сведущих людей и старожилов, ученых-ахунов и непосредственных участников национально-освободительной борьбы кашгарского народа. С огромным трудом он приобретал интересовавшие его документы и книги. «Он дорогой ценой скупал древности, находимые туземцами в старых развалинах и могилах, – рассказывает П.П.Семенов-Тяньшанский, – с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи».

Кашгарская экспедиция создала Валиханову научное имя. Его прекрасный труд («Отчет о состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858 – 59 гг.») давал ясное и полное представление о прошлой и нынешней жизни этого края.

С горячим сочувствием Валиханов рассказывал о поработанном народе, который «ненавидит бесконечно» и китайских правителей, и собственную эгоистическую знать – беков. Резкая характеристика положения трудящихся в Алтышаре звучала чрезвычайно смело, – царское правительство могло бы увидеть в ней опасный намек на собственную политику, но предпочитало пока закрыть глаза на возможные аналогии. «Податной класс народа, – писал Валиханов, – находится в Восточном Туркестане в самом жалком состоянии. Народ трудится, чтобы насытить корыстолюбие китайцев и беков, терпит нужду и трудится вечно».

Вскоре после окончания экспедиции Валиханов был вызван в Петербург.

Два года жизни в Петербурге (1859–1860) были самыми счастливыми годами в его жизни. Он жадно впитывал в себя знания; участвовал в работах Географического общества; вращался в кругу представителей русской интеллигенции; по-

сещал редакцию демократического журнала «Современник», которым руководили Некрасов и Чернышевский, увлекался лекциями Костомарова. Все эти влияния – в канун крестьянской реформы 1861 года – развивали в молодом казахском ученом его демократические настроения и взгляды.

Однако климат и условия жизни в северной русской столице пагубно отразились на здоровье Валиханова. Туберкулез подтачивал его слабый организм, и Валиханов весной 1861 года вынужден был вернуться на родину, в отцовский аул Сырымбет.

Противоречивость положения Валиханова, его гибель. Здесь, в степи, он особенно остро ощутил двойственность своего положения и мучительные противоречия между своими духовными запросами и демократическими убеждениями и взглядами той социальной среды, из которой он вышел и в которой теперь жил. К великому негодованию его родных – казахских аристократов – Чокан требовал, чтобы они по-человечески обращались с тюленгутами – своими бывшими крепостными. Он даже грозил своим родственникам судом за их жестокое обращение с ними.

Переехав в степь на постоянное жительство, Валиханов мечтал о том, чтобы принести родному народу пользу своими знаниями и своей энергией. С этой целью он выставил свою кандидатуру на административный пост старшего султана Атбасарского округа, идеалистически мечтая, как он писал Достоевскому 15 октября 1862 года, «сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз». Он хотел «примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель». Но демократизм Валиханова вызвал враждебность и недоверие в фанатичных и отсталых слоях казахского общества. Его обвиняли в безбожии, в свободомыслии, в том, что он «держится понятия о равенстве». Ради-

кальная программа «султана-демократа» вызвала сильнейшее недовольство и у царских чиновников. Испугавшись последствий, генерал-губернатор отказался утвердить Валиханова султаном, когда он был избран. Валиханов пытался еще бороться – писал обличительные письма в центральные газеты, обращался к влиятельным друзьям, но безуспешно. Неудача привела его в полное уныние. «Я хотя много писал обличительных статей, – с горечью писал он Достоевскому, – но на этот раз думал – постыдятся подлецы, ведь я не просто кто-нибудь... Оно и правда, законы у нас на Руси еще пишутся не для генералов; известно мне также, что генералы больше любят натуральных киргиз, потому что в них, знаете, больше этой восточной подострастности».

В последующих письмах к близким Валиханов все резче и резче осуждает царский режим, при котором все продажно до самых высших чинов – все и повсюду «берут страшно и явно».

Возраставшее возмущение царскими властями не мешало, однако, Валиханову по-прежнему любить братский русский народ, который так же, как казахский изнемогал от гнета и произвола царского самодержавия и его бюрократической клики. Он любил и высоко ценил великий русский народ, мечтая приобщить свой родной казахский народ к русской и европейской цивилизации. «Это был новый Коран его жизни», – отметил друг Валиханова сибирский писатель Ядринцев.

Несколько лет спустя его священное братское чувство подверглось жесточайшему испытанию. В 1864 году Валиханов по приглашению генерала Черняева присоединился к его экспедиции против кокандцев. При завоевании важных центров степи – Аулие-Ата, Туркестана, Чимкента, Ташкента – победители жестоко обращались с местным населением. «Зверства русских войск над единоверцами Чокана, – писал Потанин, – и над его соплеменниками- киргизами огорчили его».

Двойственность положения офицера-казаха оказалась настолько невыносимой, что привела Валиханова к новому тяжелому кризису. Горячо любя свой народ, Валиханов не мог оставаться в среде царских колонизаторов. Он рассорился с генералом Черняевым, покинул его штаб и уехал сначала в Верный, а затем в аул султана Тезека в местности Алтын-Эмель. Не видя исхода из создавшегося положения, Валиханов решил навсегда порвать с «цивилизованным» обществом, которое молчаливо потворствует угнетению народов и насилиям над свободой. Поселившись в ауле, он в 1865 году умер от прогрессирующего туберкулеза 30 лет от роду.

Эта ранняя смерть талантливого сына казахского народа, очутившегося в двойственном, полном неразрешимых противоречий, положении, помешала ему полностью развернуть свои дарования. Не получили при его жизни широкого распространения и его замечательные научные труды, в частности первые исследования по казахско-киргизскому фольклору. Богатейшие результаты его исследований и путешествий, а главное, передовые демократические идеи и горячее чувство любви Валиханова к своему народу были известны тогда только ограниченному кругу его русских и казахских друзей и единомышленников. «Если бы Чокан имел в киргизском народе читающую среду, – правильно подчеркнул значение Валиханова один из его русских друзей Потанин, – он мог бы стать гением своего народа и положить начало литературному возрождению своих единоплеменников».

Но прогрессивная роль Валиханова, как и его демократические идеи, была оценена значительно позже. И лишь при советской власти была осуществлена заветная мечта этого первого казаха-просветителя о великой дружбе русского и казахского народов.